

Художественное произведение должно вырастать вместе с ростом самого художника, творящего это произведение. Что это значит? Это значит, что писатель рисует каких-то персонажей, даёт им слова, действие, столкновения. Эти персонажи начинают жить. Они начинают жить самостоятельной жизнью, настолько, что часто уже тащат за собой самого творца — писателя...

А. Н. Толстой

Умею ли я читать и мечтать? Что за вопрос, и как понимать?

Я с детства очень книги люблю, читаю, сегодня даже пишу.

Сегодня всё заполнил Интернет, а книг настоящих уже, кажется, нет.

Разучились думать, читать и мысли свои излагать: зачем, когда есть Интернет и на всё найти легко ответ? Отчуждение идёт людей. К чему и зачем? Как объяснить? Может, не стоит и говорить.

«Отчуждение — обозначение социального процесса, в котором деятельность человека и её результаты превращаются в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Выражается в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктом труда, в превращении личности в объект манипулирования со стороны господствующих социальных групп...»

Вот и книгу мне писатель Владимир Яковлевич Шанин «Отчуждение» подарил. И о чём же эта книга? Её прежде всего надо читать, и не просто читать, а вдумчиво читать. Ведь мы или многие из нас жили в то уже далёкое сегодня время.

Повесть, рассказанная корреспондентом областной молодёжной газеты. Внимательно прочёл, с карандашом, с

пометками на полях книги.

Книга написана в тех уже далёких 1975—1985 годах. Хотя книга издана только в 2021 году, характеры и сущность людей и бытия почти не изменились.

Повесть рассказана живым авторским языком, без лжи, вскрывает сущность событий и характеры людей.

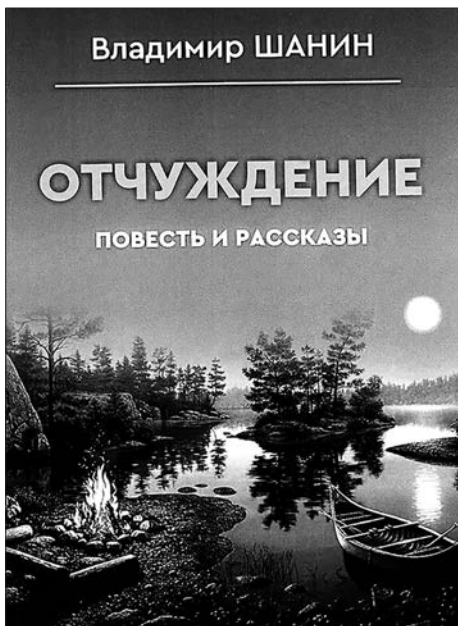
Вот, казалось бы, что в том особенного — встретились

друзья на рыбалке? И вот уже многое приоткрывается в общении, воспоминаниях, рассказах...

И вот уже Валька Лузгин:

«Не пойму я Димыча: два инфаркта пережил — казалось бы, всё, кончай суетиться, так нет, неймётся старику. Письма строчит в обком, на собраниях критикует... При тебе ещё комиссия была, помнишь? Ну, разбирались — никаких злоупотреблений в районе, всё чисто. А он опять за своё. После второй комиссии Димычу предложили уйти на пенсию как инвалиду войны, а он ни в какую! Да какой он инвалид войны? В сорок четвёртом призвали, до фронта не доехал — ранили, вот и вся история».

А много ли их, таких стариков, было в прошлом и сегодня ещё осталось, душой болеющих за государственные дела и работу, без которой они просто не могут жить?.. Очень живо и красочно удалось Владимиру Яковлевичу вскрыть и описать эти незаметные характеры, во многих из

которых угадывается судьба самого автора и окружающих его людей, живущих рядом.

Но не стоит воспринимать книгу как журналистское расследование давно минувших дел и лет.

А какие простые и понятные диалоги рассуждения:

«— Помнишь Лёшку Зудова?

— Как же не помнить: горлопан, активист липовый, всё доцента нашего на измор брал, чтобы тот ему четвёрку по спецкурсу поставил...

— Вот-вот... Теперь он где, знаешь? В райкоме сидит — завотделом пропаганды. Важный такой, представительный, а голос тот же — иерихонская труба. Но как он со мной разговаривал!.. Ну прямо Господь Бог в шапке. Говорит, бумаги задушили, а в общем — прекрасно устроился, пользуется всеми благами и привилегиями, деньжонок подкапливает. И при власти, и...»

К сожалению, были, есть и будут те, кто, используя власть и привилегии вместе с ней, ведёт паразитический образ жизни. Как про них говорят — «сильные мира сего». И этих людей так хорошо описал в своей книге Владимир Яковлевич. Может, поэтому книга не могла выйти в свет ранее, сразу после написания. Но книга и сегодня не теряет своего глубокого общественно-политического и воспитательного значения... Писатель, если это настоящий писатель, умеет показать выверенные характеры, судьбы и движение самой жизни. Им веришь, с ними проживаешь и переживаешь описанные события. Написанное произведение становится не просто художественным, а и читаемым с удовольствием многими... Именно из таких настоящих писателей — Владимир Яковлевич Шанин. Им написаны такие, одни из лучших, книги, как «Суриков. Трилогия страданий», «Енисейская летопись», «От зари до зари», «У времени в плену» (книга воспоминаний о друзьях, товарищах — старых и молодых писателях и художниках, с которыми автор общался, дружил, просто встречался, переписывался или хорошо знал по произведениям).

Вот и новая книга повестей и рассказов «Отчуждение», написанная с болью в сердце, от души, с откровенной прямотой, не могла выйти долго и найти смелого издателя в то уже далёкое время.

А ведь и Владимир Яковлевич работал в своё время в районной и ещё многих других редакциях газет, как и главный герой его рассказов.

Да и Юрий Берестов, молодой журналист, — литературный персонаж, очень похожий на автора, как и другие, наделённые автором чертами характеров близких и знакомых ему людей.

А это и редактор газеты Жернаков наставляющий молодого газетчика:

«Толковый газетчик прежде всего умом ценен. Разумеется, критика не всякому по нутру. Есть экземпляры: дерутся отчаянно. Прав, не прав, но защищаются: шумят, кричат, причём избирают порой самые гнусные формы борьбы с газетчиками. Кусают испогтишка, с улыбочкой на лице, и кусают пребольно. Так что, милый парнишечка, предостерегаю: трудно жить будешь. Ты ещё молодой, горячий, и будет жаль, если тебя погломнут...»

Это ещё и многие другие персонажи, такие как давний друг Валька Лузгин с женой Зиной, сотрудники редакции Танька Косицина, Михаил Овсянников.

А это ещё и шофёр Стехин:

«Попробовал бы не угодить, — вытирая газетой лоснившиеся от куриного жира короткие пальцы, с глухим раздражением признался Стехин. — Не угоди раз, не угоди два — вылетишь с работы. Мы ведь, шоферня, много чего про своё начальство знаем, да молчим, а ежели возражение поймел — тут тебе и каюк. Пойдёшь устраиваться на работу — и туда шепнут: мол, такой и сякой он, не берите...»

А ведь и мой отец — райкомовский шофёр, в государственных номерах его ГАЗ-69 значились первыми нули, что уже означало для работников ГАИ избранность и неприкосновенность к досмотру машины секретаря райкома.

Как сам отец шутливо говорил: «Маскировка два нуля — скрыто всё, и взять нельзя!» Пользовался ли отец льготами своего положения? Привозил иногда с организованной охоты уток или глухаря, мясо с планового забоя скота в совхозах, закупленное по государственной цене, даже летом. Приобрёл с базы дефицитные в ту пору холодильник «Бирюса» и стиральную машинку. Но вот прислугой при начальстве никогда не был.

Мы даже были дружны с семьёй секретаря райкома — вместе выезжали по ягоды, на рыбалку в свободные выходные, которых у секретаря райкома бывало очень мало.

Привёз из города мой отец одним из первых в нашей улице телевизор «Рассвет», и ещё долго по вечерам, после дойки коров, собирались соседи со всей улицы посмотреть по телевизору очередной художественный фильм.

Но ведь, как это и бывает, нашлись и «доброжелатели» в лице секретаря партийного учёта. А мой отец не состоял в партии, хотя ему неоднократно предлагали вступить в КПСС. Но он всегда шутил, что он, как в старину, «сочувствующий», для идейного партийного борца не созрел: «зелен и молод, как огурец», кусай с любого конца — горек или сладок, не различишь.

А этот доброжелатель упрекнул секретаря в том, что выбрал он для себя очень ненадёжного шофёра, побывавшего в плену у фашистов, хотя и прошедшего проверку органами СМЕРШ.

На что секретарь ответил: «Мой выбор — моя и ответственность, в нём я не сомневаюсь, такой не предаст и не подведёт. Не предал Родину, сохранил честь и достоинство, службу в армии закончил старшиной, хороший семьянин и порядочный человек. Прошу больше об этом не упоминать».

А вот, казалось бы, совсем другой человек — Овсянников:

«— Вот теперь я совсем другой человек, — сказал удовлетворённый Овсянников, — а другой человек тоже выпить хочет.»

— Другому человеку это не надо. Давай сюда свой рассказик!»

И рассказал он о том, как его хорошо встретили, обеспечили всем необходимым, даже более того — дефицитным, дали квартиру, участок под огород. И это всё Ланцов — казалось бы, умелый организатор и снабженец, без которого Приморск и прожить уже не может.

Но вот как-то он обнаружил, что Ланцов химичит с закупочными ценами: скупает у населения мясо по одной цене, в документах проводит по другой, намного завышенной. И факты железные, проверенные, а материал с полосы сняли, вежливо предупредили: живёшь, мол, хорошо — ну и живи, не суй нос куда не следует. Говорят: воспевай передовиков, критикуй лодырей и разгильдяев, а в высшие сферы не лезь...

И этот самый Ланцов выделен в повести Шанина на всём протяжении одним из главных персонажей. Именно персонажей, а не героев, какими являются опытный редактор газеты Жернаков и журналист Юрий Берестов, вступивший в неравную борьбу с Ланцовым и существующей системой «сильных мира сего»...

«Жернаков госагдиво поморщился:

— Вам-то, молодым, лишь бы шуму побольше: вот, мол, я какой смелый, правду-матку режу, никого не боюсь! А гибкости-то никакой. Нынче лбом стену не прошибёшь — все умные, все грамотные, законы знают. Нет, милый парнишечка, тоньше нужно быть, умнее их. Тут уж кто кого перебодает. Все знают, что Ланцов мошенник, а поди возьми его! Хитрый... и умён не в меру. Я три года доказывал, что чёрное — чёрное, а белое — белое, меня же и обвинили: склочник, мол... Вот сердце и сдало. Кое-кому доставляло удовольствие тыкать меня, словно кутёнка в собственную лужу носом, и приговаривать: „Знай, горшок, свой шесток, не обостряй отношений“.

— Однако же порок наказан!

— Наказаны люди, а порок остался, — уточнил Жернаков».

И ещё всё тот же Жернаков:

«Эх, дорогой мой парнишечка, ну где ты видел, чтобы райком критиковал сам себя? А наша газета — орган райкома. Ты влез — прости за грубое сравнение — не в свои сани, Юра...»

«Представляете, Илья Дмитриевич, районная власть, вышедшая из недр народа, оттолкнулась от него, высоко взлетела и с высоты своего положения над тем же народом посмеивается. Вот оно — отчуждение! Предали свой народ и рады!» — а это уже Юрий Берестов делится своими мыслями с редактором Жернаковым, и, конечно, не без оснований на то...

Да и сама повесть названа автором «Отчуждение»... Её стоит читать многим даже сегодня. И она достойна не просто праздного прочтения, а более того — глубокого осмысления, обсуждения и изучения широкой аудиторией читателей...